

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Глава I. Установление Советской власти	8
Глава II. За и против	26
Глава III. Обер-шпион	36
Глава IV. Сибирская авантюра	53
Глава V. Мир и война	65
Глава VI. Вооруженная интервенция	80
Глава VII. Подведение баланса	100

Книга вторая

ТАЙНЫ «САНИТАРНОГО КОРДОНА»

Глава VIII. Белый крестовый поход	109
Глава IX. Необыкновенная судьба одного террориста	121
Глава X. К финской границе	140
Глава XI. Прелюдия с барабанным боем	152
Глава XII. Миллионеры и диверсанты	157
Глава XIII. Три процесса	168
Глава XIV. Конец эпохи	176

Книга третья

«ПЯТАЯ КОЛОННА» В РОССИИ

Глава XV. Путь к измене	181
Глава XVI. Возникновение «пятой колонны»	202
Глава XVII. Измена и террор	224
Глава XVIII. Убийство в Кремле	243
Глава XIX. Критические дни	257
Глава XX. Куда вел след	277
Глава XXI. Убийство в Мексике	300

Книга четвертая
ОТ МЮНХЕНА К САН-ФРАНЦИСКО

Глава XXII. Вторая мировая война	308
Глава XXIII. Американский Антикоминтерн	327
Глава XXIV. Процесс шестнадцати	357
Глава XXV. Объединенные нации	368
Примечания	376

Ни один из эпизодов или разговоров, встречающихся в книге «Тайная война против Советской России», не является авторским вымыслом. Во время подготовительной работы над этой книгой мы пользовались официальными изданиями государственного департамента США; протоколами заседаний различных комиссий конгресса США; официальными документами, изданными английским правительством; опубликованными советским правительством стенографическими записями судебных процессов.

Мы использовали также опубликованные мемуары многих лиц, упоминаемых в этой книге. Все приведенные в книге разговоры взяты из мемуаров, из официальных отчетов или из других документальных источников.

Авторы

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I. УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. Миссия в Петроград

В середине лета знаменательного 1917 года, когда в России уже бурлил вулкан революции, некий американец, майор Рэймонд Робинс, прибыл в Петроград с весьма важным секретным заданием. Официально он был заместителем начальника американской миссии Красного Креста. Неофициально он состоял на службе в разведывательном отделе армии Соединенных Штатов. Его секретное задание состояло в том, чтобы препятствовать выходу России из войны с Германией.

На Восточном фронте положение было угрожающее. Немцы дробили на части русскую армию, плохо вооруженную и подчиненную бездарному командованию. Пал расшатанный войною и насквозь прогнивший феодальный царский режим. В марте Николай II был вынужден отречься от престола, и в России было создано Временное правительство. По всей стране пронесся революционный клич: «За мир, за хлеб, за землю!», в котором слились и новые надежды, и давнишние чаяния миллионов измученных войной, обездоленных и голодных русских людей.

Союзники России — Англия, Франция и США — со страхом ждали неминуемого развала русской армии. С минуты на минуту у немцев могла освободиться на Восточном фронте миллионная армия для переброски на Запад, против усталых войск союзников. Не меньшую тревогу вызывала мысль, что украинская пшеница, кавказская нефть,

донецкий уголь и прочие неисчислимые богатства русской земли попадут в прожорливую пасть Германии.

Союзники прилагали все усилия к тому, чтобы заставить Россию воевать хотя бы до тех пор, пока на Западный фронт придут американские подкрепления. Майор Робинс был одним из тех многих дипломатов, военных и агентов разведки, которых спешно посылали в Петроград, чтобы всеми силами попытаться сохранить Россию в числе воюющих стран.

Рэймонд Робинс, человек сорока трех лет, наделенный неиссякаемой энергией, редким красноречием и большим личным обаянием, жгучий брюнет с орлиным профилем, был видной фигурой в Соединенных Штатах. Он отказался от блестящей деловой карьеры в Чикаго, чтобы посвятить себя общественной и благотворительной деятельности. В политике он был горячим сторонником Теодора Рузвельта и играл ведущую роль в предвыборной кампании 1912 г., когда Рузвельт пытался попасть в Белый Дом без помощи крупного капитала и политических махинаций. Робинс был воинствующим либералом, неустанным борцом за всякое движение, направленное против реакции.

— Что? Рэймонд Робинс? Этот фантазер? Этот рузвельтист? К чему он в этой миссии? — воскликнул глава американского Красного Креста в России полковник Вильям Бойс Томпсон, узнав, что Робинс назначен его заместителем. Полковник Томпсон был правоверным членом республиканской партии. Он был лично заинтересован в русских делах, в частности в русском марганце и меди. Но он также умел трезво оценивать факты. Про себя он уже решил, что консервативная позиция, занятая чиновниками государственного департамента США по отношению к бурным событиям в России, ничего хорошего не сулит.

Американским послом в России был в то время Дэвид Фрэнсис — пожилой, упрямый банкир из Сент-Луиса, любитель покера и в свое время губернатор штата Миссури. С гривой серебряных волос, в старомодном крахмальном

воротничке и визитке он являл собою странную фигуру в обстановке потрясенного войной революционного Петрограда.

«Старику Фрэнсису, — как-то заметил один английский дипломат, — не отличить эсера от картошки».

Фрэнсис, правда, плохо разбирался в политической жизни России, но зато был непоколебим в своих убеждениях. Создавались они главным образом на основании сенсационных сплетен, ходивших среди царских генералов и миллионеров, которые осаждали американское посольство в Петрограде. Фрэнсис утверждал, что русские беспорядки — результат немецкого заговора, а все русские революционеры — иностранные агенты. И как бы там ни было, скоро все обойдется.

21 апреля 1917 г. Фрэнсис послал государственному секретарю США Лансингу такую телеграмму:

Крайний социалист или анархист по фамилии Ленин произносит опасные речи и тем укрепляет правительство; ему умышленно дают волю; своевременно будет выслан.

Но после свержения царя русская революция отнюдь не затихла — она еще только начиналась. Русская армия разваливалась, и, казалось, никто в России не в состоянии был остановить этот процесс. Александр Керенский, честолюбивый премьер Временного правительства, совершая поездку по фронту, обращался к войскам с красноречивыми заверениями, что не сегодня-завтра придет «победа, демократия и мир». Не убежденные его речами, голодные, озлобленные русские солдаты десятками тысяч уходили с фронта. В грязных, оборванных шинелях они бесконечным потоком двигались по стране, вдоль размокших от дождя полей, по размытым проселкам, в родные города и деревни¹.

В тылу возвратившиеся домой солдаты встречались с революционными рабочими и крестьянами. Крестьяне, солдаты и рабочие повсюду создавали свои революционные комитеты или советы и выбирали депутатов, которые должны были передать правительству их требования — мира, земли и хлеба!

К тому времени, когда майор Рэймонд Робинс попал в Петроград, голодные, ожесточенные народные массы разлились по стране бурным потоком. Солдатские делегации текли в столицу прямо на грязи окопов и требовали прекращения войны. Почти каждый день происходили хлебные беспорядки. Большевистская партия Ленина — организация русских коммунистов, которую Керенский объявил нелегальной и загнал в подполье, — быстро крепла и завоевывала популярность в народе.

Рэймонд Робинс не согласился с тем мнением, какое создалось о России у Фрэнсиса и его друзей из придворных кругов. Не задерживаясь в петроградских гостиных, он, по его выражению, «выехал в действующую армию», чтобы своими глазами увидеть, что творится в России. Робинс страстно верил в то, что он называл «трезвым умом — столь обычным у удачливых американских дельцов, умом, который не полагается на болтовню, но обязательно ищет фактов». Он стал разъезжать по стране, посещая заводы, профсоюзные собрания, казармы и даже кишачие вшами окопы на германском фронте. Чтобы разобраться в том, что происходит в России, Робинс окунулся в массы русского народа.

В тот год вся Россия напоминала сплошной огромный митинг. Народ, веками вынуждаемый к молчанию, наконец, обрел дар речи. Митинги возникали повсюду. Все хотели говорить. Правительственные чиновники, агитаторы за дело союзников, большевики, анархисты, эсеры, меньшевики — все говорили наперебой. Самыми популярными ораторами были большевички. Солдаты, рабочие и крестьяне подхватывали и повторяли их слова.

— Объясни ты мне, за что я воюю, — требовал русский солдат на одном из таких бурных митингов, — за Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за грабителей-капиталистов? Если ты мне докажешь, что я защищаю революцию, я пойду воевать и без угрозы расстрела. Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы —

рабочим, а власть — Советам, мы будем знать, за что воюем, и будем воевать!

Робинс чувствовал себя в родной стихии. Дома, в США, он часто выступал с трибуны, часто спорил с американскими марксистами. Почему бы не поспорить с русскими большевиками? Нередко он просил разрешения ответить оратору-большевику. В окопах и на многолюдных заводских собраниях этот плечистый, темноглазый американец вставал с места и говорил. Через своего переводчика Робинс рассказывал русским об американской демократии и об угрозе прусского милитаризма. Его выступления неизменно вызывали бурю аплодисментов.

В то же время Робинс не забывал своих обязанностей по Красному Кресту. Задачей его было добывать продовольствие для голодающих городов. На Волге Робинс обнаружил огромные запасы гниющего на складах зерна, которое нельзя было вывезти за неимением транспорта. При царском режиме бездарное руководство совсем развалило транспорт, а Керенский ничего не предпринял для его восстановления. Робинс пробовал собрать на Волге флотилию барж для перевозки зерна, но чиновники Керенского уверяли его, что это невыполнимо. Но вот к Робинсу явился один крестьянин, отрекомендовавшийся председателем местного совета крестьян. Он сказал, что баржи будут. И на следующее утро хлеб двинулся вверх по реке к Москве и Петрограду.

Повсюду Робинс наблюдал тот же контраст между полной беспомощностью правительства Керенского и организованностью и решимостью революционных советов. Раз председатель совета что-нибудь обещал, можно было не сомневаться, что дело будет сделано...

Когда Робинс впервые попал в русскую деревню и пожелал увидеть кого-нибудь из местных властей, крестьяне в ответ только улыбнулись: «Вы бы лучше потолковали с председателем совета».

— Что это за совет? — спросил Робинс.

— Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— Но это какая-то революционная организация, — возразил Робинс, — а мне нужна гражданская организация — законные гражданские власти.

Крестьяне рассмеялись: «Ну, эти немногого стоят. Вы лучше поговорите с председателем совета».

Вернувшись в Петроград, Робинс сделал предварительный доклад полковнику Томпсону. Он заявил, что Временное правительство Керенского — «власть на бумаге, навязанная сверху и опирающаяся на штыки в Москве, Петрограде и нескольких других пунктах». Подлинную власть в стране осуществляют Советы. Но Керенский стоит за продолжение войны с Германией, и поэтому он, Робинс, считает необходимым, чтобы Керенский оставался у власти. Если союзники не хотят, чтобы Россия пришла в состояние хаоса и попала под власть Германии, они должны всячески повлиять на Керенского и заставить его признать Советы и договориться с ними. Пока не поздно, следует подробно ознакомить с положением дел правительство США.

Робинс выдвинул смелый план: немедленно развернуть широкую пропаганду с целью убедить русский народ, что истинную угрозу для революций представляет Германия.

К его великому удивлению, полковник Томпсон безоговорочно одобрил и его доклад, и его предложение. Он сказал Робинсу, что сообщит в Вашингтон о задуманной кампании и будет просить санкции и средств для ее проведения. А пока пусть Робинс, не теряя времени, приступает к работе.

— Но где взять денег? — спросил Робинс.

— Я сам рискну миллионом, — ответил полковник Томпсон.

Робинс получил разрешение брать деньги со счета Томпсона в петроградском банке.

— Главное, — твердил Томпсон, — удержать русскую армию на фронте и не пустить Германию в Россию.

Однако полковник отлично понимал весь риск такого активного личного вмешательства в русские дела.

— Вы знаете, что это означает, Робинс? — спросил он.

— Думаю, полковник, что это единственный шанс спасти положение, — ответил Робинс.

— Нет, я не о том, а что это означает для вас?

— А именно?

— Это означает, что если мы провалимся, вас расстреляют.

Робинс пожал плечами.

— На Западном фронте каждый день гибнут люди и моложе, и лучше меня. — И, помолчав, прибавил:

— Если меня расстреляют, то вас, полковник, повесят.

— Вероятно, вы правы, черт побери! — сказал полковник Томпсон².

2. Контрреволюция

С Балтики дул холодный осенний ветер, дождевые тучи низко нависли над городом; в Петрограде события стремительно неслись к своей исторической развязке.

Бледный, взволнованный, как всегда в доверху застегнутом коричневом френче, выпучив глаза и по-наполеоновски согнув в локте правую руку, Александр Керенский, премьер Временного правительства, шагал по своему кабинету в Зимнем дворце и кричал в лицо Рэймонду Робинсу:

— Чего они хотят от меня? Половину времени я должен проповедовать западно-европейский либерализм, чтобы угодить союзникам, а остальное время — российско-славянский социализм, чтобы сберечь голову на плечах!

У Керенского были причины волноваться. Те, на кого он опирался — русские миллионеры и англо-французские союзники, — уже сговаривались за его спиной о том, чтобы отстранить его от власти.

Русские миллионеры прямо угрожали, что откроют двери немцам, если Англия и Франция не предпримут мер для борьбы с революцией.

«Революция — это болезнь, — сказал американскому корреспонденту Джону Риду «русский Рокфеллер» Степан Георгиевич Лианозов. — Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий

вмешался бы, чтобы вылечить больного ребенка и научить его ходить».

Другой русский миллионер, Рябушинский, заявил, что видит один выход из положения — «костлявая рука голода, народная нищета схватит за горло лжедрузей народа — демократические советы и комитеты».

Сэр Сэмюэль Хор, начальник британской дипломатической разведки в России, вернулся в Лондон после бесед с этими русскими миллионерами и доложил, что лучшее разрешение русской проблемы — военная диктатура. По словам Хора, самыми подходящими кандидатами на пост диктатора были адмирал Колчак (Хор назвал его «самым близким подобием английского джентльмена, какое он видел в России») и генерал Лавр Георгиевич Корнилов, маленький и крепкий, с черной бородкой, командующий казачьими частями русской армии.

Английское и французское правительства решили сделать ставку на Корнилова — пусть именно он будет тем сильным человеком, который не даст России выйти из войны, покончит с революцией, и будет отстаивать англо-французские финансовые интересы в России.

Когда Робинс узнал об этом решении, ему сразу стало ясно, что союзники допустили серьезную ошибку. Они не понимают характера русского народа. Они играют на руку большевикам, с самого начала предупреждавшим, что режим Керенского окажется ширмой, за которой будет тайно подготавливаться контрреволюция. Генерал-майор Альфред Нокс, английский военный атташе и начальник английской военной миссии в Петрограде, резко предложил Робинсу оставить свое мнение при себе.

Путч должен был состояться 8 сентября 1917 г. Утром Корнилов в качестве главнокомандующего выпустил прокламацию, в которой призывал к свержению Временного правительства и к установлению «дисциплины и порядка». На улицах Москвы и Петрограда появились тысячи листовок, озаглавленных «Русский герой Корнилов». Много лет спустя Керенский рассказал в своей книге «Катастрофа»,

что «эти листовки были отпечатаны на средства английской военной миссии и доставлены в Москву из английского посольства в Петрограде в вагоне английского военного атташе генерала Нокса». Корнилов отдал приказ о наступлении двадцатитысячной армии на Петроград. В рядах ее были французские и английские офицеры в русских мундирах.

Керенский был потрясен этим предательством. В Лондоне и в Париже его попрежнему величали «героем русских народных масс» и «великим демократом». А здесь, в России, представители союзников пытаются его свергнуть! Керенский беспомощно искал выхода и ничего не предпринимал.

Петроградский совет, в котором большинство составляли большевики, по собственной инициативе отдал приказ о немедленной мобилизации. К вооруженным рабочим присоединились революционные матросы-балтийцы и солдаты с фронта. На улицах спешно возводились баррикады и проволочные заграждения. Устанавливались орудия и пулеметы. Красногвардейцы-рабочие в кепках и кожаных куртках, вооруженные винтовками и ручными гранатами, — ходили дозором по грязным булыжным мостовым.

В четыре дня армия Корнилова развалилась. Сам Корнилов был арестован солдатским комитетом, тайно созданным в его войсках. Около сорока царских генералов, участвовавших в заговоре Корнилова, в первый же день были арестованы в гостинице «Астория», где они ожидали известий о победе Корнилова. Товарищ военного министра в правительстве Керенского Борис Савинков, скомпрометированный участием в заговоре, был смещен. Временное правительство теряло почву под ногами...

Путч привел как раз к тому, что он должен был предотвратить: к победе большевиков и демонстрации силы Советов.

Фактически власть в Петрограде принадлежала не Керенскому, а Советам.

Усиление Советов, по словам Рэймонда Робинса, решило исход дела. «Советы — вот сила, победившая Корнилова».

Со своей стороны посол Фрэнсис телеграфировал в государственный департамент:

«Провал Корнилова можно объяснить плохой связью, дезинформацией, неправильными методами, неоперативностью. Хороший солдат, патриот, но не опытен. Правительство сильно напугано, и, возможно, урок пойдет ему на пользу».

3. Революция

События развивались стремительно. Ленин из подполья провозгласил новый лозунг: «Вся власть Советам! Долой Временное правительство!»

7 октября полковник Томпсон отправил в Вашингтон тревожную телеграмму:

«Максималисты (большевики) активно добиваются большинства на Всероссийском Съезде рабочих и крестьянских депутатов, назначенном на текущий месяц. В случае успеха будет образовано новое правительство, последствия могут быть пагубные — вплоть до сепаратного мира. Используем все ресурсы, но требуется немедленная поддержка, иначе будет поздно».

3 ноября в кабинете Томпсона состоялось тайное совещание военного руководства союзников в России. Как обуздать большевиков? Глава французской военной миссии генерал Ниссель обрушился на Временное правительство, упрекая его в беспомощности, а русских солдат обругал «собаками». Тут один из русских генералов встал и, весь красный от гнева, вышел из комнаты.

Генерал Нокс стал упрекать американцев за то, что они не поддержали Корнилова.

— К чему мне Керенский и его правительство? — кричал Нокс Робинсу. — Бездарные, никчемные люди. Вы бы должны стоять за Корнилова!

— Но, генерал, — возразил Робинс, — вы-то стояли за Корнилова!

Английский генерал вспыхнул.

— Единственное, что сейчас возможно в России, — сказал он, — это военная диктатура. Этим людям нужен кнут!

— Генерал, — сказал Робинс, — как бы здесь не получилась диктатура совсем другого рода.

— Эти красные агитаторы?!

— Вот-вот.

— Робинс, — оказал генерал Нокс, — вы не военный. Вы ничего не смыслите в военных делах. Военные знают, как поступать с такими типами. Мы их ставим к стенке и расстреливаем.

— Да, если вам удастся их поймать, — сказал Робинс. — Я согласен, генерал, что ничего не смыслю в военных делах, но в народе я кое-что смыслю; я работал с ним всю жизнь. Я поездил по России и думаю, что сейчас главная проблема для вас — народ.

7 ноября 1917 г., через четыре дня после этого совещания, власть в России перешла к большевикам.

Большевистская революция, потрясшая весь мир, совершалась необычно, вначале почти незаметно. Это была самая мирная революция в истории. По улицам столицы расхаживали небольшие отряды солдат и матросов. То тут, то там раздавались случайные выстрелы. Люди собирались кучками на холодных улицах, спорили, размахивали руками, читали свежие воззвания и прокламации. Как всегда, передавались разноречивые слухи. По Невскому дребезжали трамваи. Женщины ходили за покупками. Консервативные петроградские газеты вышли в этот день обычным порядком и даже не сообщили о том, что произошла революция.

Почти не встретив сопротивления, большевики заняли телефонную станцию, телеграф, государственный банк и министерства. Зимний дворец — место пребывания Временного правительства — был окружен.